

АЛИСА ФРЕЙНДЛИХ:

«БЕЗ ВЕРЫ В БОГА Я БЫ НЕ ВЫЖИЛА»

Недавно свой 85-ти летний юбилей отмечала талантливая, обаятельная и удивительно искренняя и на экране, и на сцене, и в жизни народная артистка СССР Алиса Фрейндлих. Она сыграла более чем в 30 фильмах у лучших режиссеров страны. В свое время ее снимали Эльдар Рязанов, Андрей Тарковский, Пётр Тодоровский. После выхода фильма «Служебный роман» женщины по всему СССР записывались в парикмахерскую и

<https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/4763/foto/a4552/177992/>

шили новые платья, чтобы преобразиться так же, как героиня Алисы Фрейндлих. А спектакли с ее участием, как и десятилетия назад, неизменно собирают аншлаги. С детства Алиса была невероятно ответственной: сказывались глубокие немецкие корни. Она могла бы стать замечательным врачом, оперной певицей, а стала любимицей миллионов людей – королевой театральных подмостков.

- Алиса Бруновна, бабушка у Вас была немкой. А как вообще ваши предки оказались в России?

- Корни моего отца – в Германии. Родственники со стороны деда перебрались в Россию ещё в семнадцатом веке, где работали провизорами и садоводами. Родственники с бабушкиной стороны, по фамилии Зейтцы, переехали в Россию ещё во времена правления императрицы Екатерины Великой. Они служили стеклодувами при дворце. Я бережно храню тяжелый стеклянный шар с разноцветными камешками внутри и большим белым вензелем «А. S.» – такая своеобразная визитная карточка моего прапрадеда – стеклодува Александра Зейтца. Питерские немцы до революции жили кланом, все ходили на Кирочную в лютеранскую церковь, там же венчались, крестили детей. И в церкви сохранились документы... Мой папа, Бруно Фрейндлих очень расстроил своих родителей, когда объявил им, что берёт в жёны русскую девушку, а вовсе не немку, как того желали мать, отец и вся многочисленная немецкая родня. С мамой папа познакомился на гастролях в Пскове. При моей регистрации мама в графе «Национальность» записала «Русская». Бабушка моя была верующей. Они с дедом играли на скрипках в лютеранской кирхе на Кронверкской улице (здание разрушили во время блокады. – Прим. ред.). Бабушка меня крестила тайно, мама была комсомолкой. Научила молитвам – на сон грядущий, за хлеб насущный и просила никогда не снимать креста. И я завет выполняла, даже когда была

уже известной актрисой. Когда мне предложили вступить в партию, я показала партийным чиновникам крестик и сказала: «По-моему, это и КПСС несовместимы». Но в лютеранскую церковь я не ходила, даже не знала, что была крещена. Потом уже тетушка рассказала. И я решила: раз хожу в православную церковь, должна покреститься там и прошла обряд крещения, согласно православным канонам.. Поэтому теперь я и вовсе Александра.

- *А потом началась война...*

- И этого светлого, лучезарного мира не стало. Сначала уехал папа — он эвакуировался с ТЮЗом, где к тому времени работал. Улетел буквально последним самолетом, после чего кольцо блокады окончательно сомкнулось. Мы с мамой почему-то с ним не поехали. Не знаю, в чем была причина. Может быть, потому, что всех взять не могли. Кстати, к нам отец так и не вернулся — в эвакуации у него появилась новая семья. Мы жили на Мойке, рядом с Исаакиевской площадью. У нас окна выходили прямо на собор. Помню, как скульптуры на нем все были закрыты мешками с песком, а поверх мешков заколочены досками.

Бомбёжка начиналась неожиданно — налёт мог начаться в любое время суток. Полагалось сразу же выходить из дома и спускаться в бомбоубежище. Поначалу это правило соблюдалось неукоснительно, но постепенно, день ото дня, люди стали всё реже делать это. Одни уже настолько обессилели от ежедневных мучений, что жизнь стала им безразлична. У других, измотанных голодом, просто не осталось сил даже выйти из квартиры. В лучшем случае спускались к нам на первый этаж или, выйдя на улицу, становились в каких-нибудь нишах.

Однажды, по какому-то невероятному стечению обстоятельств, мы все всё же оказались в убежище. Когда вышли, увидели: в наш дом попала бомба. Наша квартира оказалась полностью разрушена, оставаться там жить было уже невозможно. Поэтому мы перебрались в комнату папиного старшего брата. Он жил в коммуналке в соседнем подъезде. У папиного брата тоже была семья — жена тётя Зоя и четырёхлетний сын Эдик. Пришлось сдвинуть все имевшиеся в доме кровати, и мы на них спали все вместе. Тесновато, зато тепло. В комнате с прежних времён осталась большая изразцовая печь, в неё втиснули буржуечку и топили. Дров не было, потому на растопку пошла мебель. В итоге сожгли практически всё, кроме кроватей и нескольких стульев.

Наша семья выжила только благодаря бабушке Шарлотте — папиной маме. Она прививала нам железную дисциплину. В первую, самую страшную зиму 1941–1942 годов, ленинградцам выдавалось по 125 граммов хлеба — этот маленький кусочек надо было растянуть на весь день. Некоторые сразу съедали суточную норму и вскоре умирали от голода, потому что есть больше было нечего. Поэтому бабушка весь контроль над нашим питанием

Алиса Фрейндлих — в детстве

взяла в свои руки. Она получала по карточкам хлеб на всю семью, складывала его в шкаф с массивной дверцей, запирала на ключ и строго по часам выдавала по крошечному кусочку. У меня до сих пор часто стоит перед глазами картинка: я, маленькая, сижу перед шкафом и умоляю стрелку часов двигаться быстрее – настолько хотелось кушать... Вот так бабушкина педантичность спасла нас. Да, многие погибли от обморожения. Потому что у нас в квартире постоянно горела буржуйка. А угли из нее мы бросали в самовар, чтобы всегда наготове был кипяток – чай мы пили непрерывно. Правда, делали его из корицы, потому что настоящего чая достать уже было невозможно. Еще бабушка нам выдавала то несколько гвоздичек, то щепотку лимонной кислоты, то ложечку соды, которую нужно было растворить в кипятке и так получалось «ситро» – такое вот блокадное лакомство. Другим роскошным блюдом был студень из столярного клея, в который мы добавляли горчицу... Во вторую зиму с продуктами действительно стало легче, потому что наконец наладили их доставку в город с «Большой земли». Но лично мне было тяжелее, потому что любимой бабушки уже не было рядом. Ее, как потомственную немку, выслали из Ленинграда куда-то в Сибирь или в Казахстан. В эшелоне она умерла... Ей было всего лишь 68 лет. Я говорю «всего лишь», поскольку сейчас я значительно старше ее. Потом уже, когда блокаду частично сняли и когда в 1943-м я даже пошла в школу, помню, что мы, школьники, были все настроены на то, чтобы помогать взрослым. Мы ходили по квартирам, в которых находились больные и совершенно беспомощные люди, собирали на улице щепки, дрова и обломки чего-то такого и носили нуждающимся, чтобы топить. Приходили в госпитали, давали там концерты... Вскоре я заболела. И мама, боясь оставить меня в квартире одну, несколько дней не

1974 г в фильме «Анна и Командор»

выходила на работу на свой гильзовый завод, за что была уволена и осталась без продуктовых карточек. Мы бы действительно умерли с голоду, но случилось чудо. Когда-то очень давно мама выкормила чужого мальчика – у его мамы не было молока. Во время блокады этот человек работал в Горздраве, как-то нашёл маму и помог ей устроиться бухгалтером в ясли. Заодно туда определили и меня, хотя мне тогда уже было почти восемь лет. Когда приходила проверка, меня прятали в лазарет и закутывали в одеяло. Поскольку мое взросление — с шести до девяти лет — пришлось на блокаду, у меня очень мало вырос желудок. До сих пор я насыщаюсь буквально с капли! Хотя это не значит, что я через час снова не захочу есть... И сколько раз я говорила своим младшим: «Не выбрасывайте! Не стыдно вам выбрасывать еду? Ведь Бог накажет», — но это не производит особенного впечатления. Как ни старайся рассказать, а все

равно никто теперь не поймет, что такое представлял из себя прощальный подарок бабушки — смерзшиеся серые макароны. Бабушку выслали из Ленинграда вместе с другими немцами. Мама ходила ее провожать на сборный пункт, а там в больших котлах варили макароны, которые, как только их вынимали из кипятка, тут же замерзали. Их рубили на буханки и выдавали ссыльным на дорогу, а бабушка, конечно, тут же отколупала от своей порции какой-то кусок и выдала маме для меня. Я помню, как мы с мамой варили суп из этих макарон. Прошло столько лет, но эхо блокады продолжает звучать во мне. Может быть, когда-нибудь напишу об этом... Вместе с трудным, с очень страшным, в моих детских впечатлениях из тех дней осталось и острое ощущение того, что у нас, блокадников, была особая потребность в улыбке - видимо, в этом заключалась и какая-то психотерапия, какая-то даже физическая защита... И, безусловно, без веры в Бога я бы не выжила в блокадном Ленинграде и в дальнейшем не стала бы актрисой.

Талант актрисы не могли не заметить режиссеры кино. И Андрей Тарковский, и Эльдар Рязанов хотели ее снимать, но что-то всегда срывалось. Закончив с "Иронией судьбы", Рязанов заявил, что у него остались очень ценные ресурсы после предыдущих кинопроб, в том числе и Алиса Фрейндлих, которая пробовалась на роль в его новогодней комедии. Это был один из немногих счастливых случаев в отечественном кино, когда режиссеру разрешили снимать кого угодно, даже без утверждения студии. Так появилась одна из самых главных, самых ярких работ Алисы Фрейндлих — после этой роли на нее посыпались письма с благодарностью, а сама она стала всеобщей любимицей. Фильм имел огромный успех, многие советские модницы тут же отправлялись в парикмахерскую и делали себе такую же стрижку. За роль Калугиной (которую в фильме еще называют "мымрой") Фрейндлих была признана лучшей актрисой года по версии журнала "Советский экран". Эта работа Алисы Бруновны интересна еще и тем, что в фильме она сама исполнила две песни — "У природы нет плохой погоды" и "Моей душе покоя нет". Они сразу же стали хитами, их постоянно крутили по радио и телевидению. Актриса до сих пор считает эту роль чуть ли не самой любимой.

- *Алиса Бруновна, Вы - счастливый человек?*

- Я счастливый человек. Во-первых, я занимаюсь любимым делом, я нисколько в нем не разочаровалась, и, если бы мне Бог дал силы, я занималась бы этим до конца моих дней... А во-вторых, у меня - замечательная дочь, замечательные внуки, что еще нужно?

У меня - внук Никита, внучка Анна, правнук и недавно родилась правнучка Соня. Никогда особенно не разочаровывали друзья, не предавали всерьез,

а если и предавали немножко, то ровно настолько, что я, поставив себя на их место, могла их оправдать. **Надо только почаще читать Евангелие, и все становится на свои места.** Мне кажется, что, если бы сейчас (нам, наверное, поздно и детям нашим тоже поздно) хотя бы малышом, которые растут, заставили не только выучить, но и поверить в десять заповедей, совсем бы пошло другое поколение, и тогда была бы надежда, что нравственно мы выживем. Я имею в виду - Россию.

— У многих людей сегодня тревога и боязнь будущего — если не собственного, то своих детей и внуков. Это чувство, на ваш взгляд, обоснованно?

— Я сегодня все чаще и чаще - может, это связано с возрастом, когда оценки не такие легкомысленные, - вспоминаю, что Раневская попросила написать на своем надгробном камне: "Умерла от омерзения". Люди теряют нравственность с такой бешеной скоростью, что мне страшно становится за внуков. Они же попадают в эту атмосферу и будут в ней возрастать... Там, где скапливается отрицательная энергия, происходят катаклизмы и войны. Я заметила, что когда в стране напрягается атмосфера и происходят политические игры, которые обостряют отношения, то даже собаки на улице начинают драться остервенело. Обилие негативной энергии действует даже на животных... Скоплением негатива мы сами возбуждаем стычки людей друг с другом. Но это чисто из области моих чувств. Я чувствую, что мы выпускаем в эфир слишком много отрицательных эмоций... А ведь любить, улыбаться, прощать, извиняться — это же так нетрудно! Почти ничего не стоит сказать: «здравствуйте», «до свидания», «простите», «пожалуйста», «проходите», «присядьте». Как этого не хватает сейчас!

Что такое храм, как я понимаю? В храм человек приходит помолиться, пожаловаться, попросить о чём-то. Другой придёт поблагодарить за что-то хорошее... Мне помогает вера. Я постоянно молюсь, чтобы у моих близких было все хорошо!

10, 15, 25 лет в сравнении с 70-летней историей советского разрушения — слишком мало, чтобы всё встало на свои места. Нужно, чтобы сменилось одно, два, даже три поколения, дабы вытравить из себя метастазы. Библейский Моисей 40 лет водил евреев по пустыне с целью вытравить из них несвободу... Чтобы изжить её из нас, нужно гораздо больше времени, чем минуло с начала перемен. Прошло только четверть века... Русские, особенно православные, — люди добрые и сострадательные. Это поможет нам преодолеть нашу инертность и леность. Когда в квартире делается ремонт, все переступают через мешки с цементом и недовольны. А когда наконец дом почистят, всё красиво и свеженько, все будут рады. Но для этого надо время и надо трудиться...

Источники: <https://ihappymama.ru/vospominaniya-alisy-freindlih-nasha-semya-vyzhila-tolko-blagodarya-babushke-sharlotte/>
2) <https://versia.ru/yexo-blokady-zvuchit-vo-mne-po-sej-den->

